

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

К СОСТАВУ И ГЕОГРАФИИ ЛИТОВСКИХ И БЕЛОРУССКО-СЛАВЯНСКИХ СООТВЕТСТВИЙ (ПАРАЛЛЕЛЕЙ) ПРУССКИМ ПРЕФИКСАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЯМ

„1873.II.22. Kaugurų Mičkėnuose (netoli Valmieros) gimė žymiausias latvių kalbininkas baltistas Janis Endzelynas...“ (Kalbotyros datynas..., „Vardai ir žodžiai“, Vilnius 1971, 186).

0.1. Первые произведения нередко являются программными по отношению ко всему последующему научному или художественному творчеству.

Я. Эндзелин, первой крупной работой которого были „Латышские предлоги“¹, сохранил интерес к теме предлогов и — соответственно — префиксов в течение ряда десятилетий своей научной деятельности. Об этом, в частности, свидетельствует то внимание, с каким латышский ученый отнесся к названной проблеме в своей законченной в 1941 г. монографии о прусском языке². Отмеченный интерес Я. Эндзелина прослеживается не только в специальном разделе этого исследования („Предлоги и префиксы“), но и в комментариях к лексике прусского языка, в которых автор не только привел различные балтийские и славянские параллели к префиксальным образованиям прусского языка, но и поставил несколько вопросов относительно значения прусских приставок (например, о *no-*) — вопросов, которые до сих пор остаются без ответа. Позже, в изданной в 1948 г. книге „Звуки и формы балтийских языков“, Я. Эндзелин также отвел теме предлогов (приставок) немало места³, и эта разработка интересующей нас проблемы и в настоящее время является единственной в сравнительной грамматике балтийских языков.

0.2. В истории исследования прусского языка известен случай, когда реконструированное для прусского префиксального глагола литовское соответствие затем было обнаружено в говорах Жемайтии. Так, в публикации 1931 г. Пр. Скарджюс писал: „Прус. *etwiērpt* могло бы соответствовать лит. **atverpti*“⁴, а уже в следующем году он отметил по этому поводу: „Те-

¹ И. Эндзелин, Латышские предлоги, I—II, Юрьев, 1905—1906.

² Его же, *Senprūšu valoda, Rīgā, 1943* (далее: *Senpr.*).

³ Его же, *Baltu valodu skaņas un formas, Rīgā, 1948*, §§ 432—452.

⁴ Pr. Skardžius, *Smulkmenos*,—*APh II* (1931) 14.

перь это свое предположение я уже могу подкрепить вполне достоверными данными: слово *atverpti* известно в живом языке... *atveřpk velėna* (Плунге)" (7)⁵. Тем более такие дополнения из литовской народной лексики возможны теперь, в 70-х годах.

Ведь в том году, когда Я. Эндзелин заканчивал свою книгу „*Senprūšu valoda*“, увидел свет первый том литовского тезауруса. За 30 лет, минувших с того времени, уже переиздан первый и опубликован восьмой том этого словаря⁶. Содержащееся в нем богатейшее собрание лексики литовских народных говоров в ряде случаев может существенно дополнить существующие комментарии к словарю прусского языка.

В данной статье рассматривается состав и географическое распространение литовских и белорусско-славянских соответствий (параллелей) некоторым прусским префиксальным образованиям как явления своего рода „внешней лингвогеографии“ прусского языка, как частичное свидетельство места этого языка в изоглоссном контексте своих лингвистических соседей.

1.1. Прус. *epkieckan* (вин.) „Laster“ (Senpr. 169)⁷.

По поводу этого слова Я. Эндзелин писал: „... родственно лит. *kėkšė* „развратная женщина“? Э. Бернекер исправлял его на *epkeickan* и объединял с лит. *kėikti* „проклинать“, что могло быть возможным, ср. нем. *Laster* и др.-н.-нем. *lahan* „ругать“ (Senpr. 169–170). Позже Э. Швентер фактически поддержал собственное предположение Я. Эндзелина, указав на связь прус. *epkieckan* с лит. *kikilis* „зяблик“⁸. Однако Э. Френкель, изложив оба мнения – Э. Бернекера и Я. Эндзелина, – не высказал своей точки зрения по этому вопросу⁹. В последнее время Й. Казлаускас принял сторону Э. Бернекера, рассматривая данное слово как прусское именное образование от префиксального глагола, родственного лит. *kėikti*¹⁰.

⁵ Его же, *Lietuvių-latvių kalbos žodyno dalykai*, – APh III (1932) 53. Число в скобках после названия населенного пункта указывает на локализацию последнего на прилагаемой ниже карте.

⁶ LKŽ, I, 1941 – VIII, 1970.

⁷ За исключением слова *paccaris*, прусская лексика приводится только по книге Я. Эндзелина без отсылки к тем источникам, которыми он пользовался при составлении своего словаря.

⁸ E. Schwenter, Lit. *kikilis* „Buchfink, Hänfling“ – KZ LXX (1952) 152. Кстати, о названиях птиц как семантической основе развития лексической группы типа *kėkšė* и под. см. E. Fraenkel, Lit. etym. Wb. I 235.

⁹ E. Fraenkel, указ. соч., 235, 252.

¹⁰ Й. Казлаускас, Именные образования от приставочных глаголов в балтийских языках и их значение для реконструкции ударения глагола, – *Baltistica* I (1965) 37.

Строго говоря, прусским префиксальным образованиям следует искать и префиксальных же соответствий в других языках и, прежде всего, в литовском. Следовательно, в получившей „большее число голосов“ версии Э. Бернекера (к которой, как видим, отчасти присоединился и Я. Эндзелин, указавший для нее семантическую параллель в немецком) более точным литовским соответствием прусскому *epkieckan* является не *kėikti*, как отмечалось в упомянутых разысканиях, а *apkęikti*. Этот глагол со значением „обругать злыми словами“ среди тех примеров, которые „привязаны к местности“, зафиксирован в говорах западных аукштайтов – Скирснямуне (9), р-н Юрбаркас и Альксенанай (12), р-н Вилкавишкис (LKŽ V 487).

1.2. Прус. *preigērbt* „vorhalten“ (то-есть „vorsprechen“) (Senpr. 235). *Preigērbt* – производный префиксальный глагол от *gērbt* „говорить“, родственный лит. *gėrbti* „уважать, почитать“ (там же, 177).

Как и в предыдущем случае, здесь также следует предпочесть сопоставление с префиксальным глаголом в литовском языке.

К ареалу западноаукштайтского диалекта можно условно отнести фиксацию глагола *prigerbti*, тождественного с прусским по форме и близкого к нему по значению – „иметь ввиду, подозревать“ (из рукописи „Litvanica czyli Wiadomości o Litwie zebrane przez... Ambrożego Kossarzewskiego, – LKŽ III 249). В том же диалектном массиве отмечена возвратная форма этого глагола со значением „приласкаться, подольститься“: *Aš nemoku taip jam prisigėbti, dėl to jis man neloskavas* (Саснава (13), р-н Капсукас) (там же).

Весьма характерно, что еще один пример возвратного глагола *prisigerbti*, правда, с иным значением – „закутаться“ (в платок) – *Prisigerbiau skepetuke* – отмечен Й. Яблонским (там же), который, как известно, родился и вырос вблизи г. Кудиркос-Науместис (10), т.е. в ареале западноаукштайтского диалекта, к которому относятся и два предыдущие примера употребления глагола *pri(si)gerbti*.

1.3. Прус. *sengidaut* „erlangen“ : *sengijdi* (3-е л.) „erlange“ (Senpr. 235).

Точным морфологическим соответствием этому прусскому глаголу является лит. *sugeidauti* „захотеть, пожелать“: *Pasakosiu pasaką apie cigono kirvynę, sugeidautą bulvynę* (Гаргждай (8), р-н Клайпеда) (LKŽ III 205). Таким образом, единственный пример употребления глагола *sugeidauti* относится к территории Жемайтии.

2.0. В отличие от соответствий (в данном случае прусско-литовских) параллели представляют собой факты менее специальной общности между двумя или несколькими языками. Применительно к префиксальным образованиям в случае параллели необходимо тождество только приставок сопоставляемых лексем, тогда как для их корневых частей достаточно общей

семантической соотнесенности. Более широкая основа сопоставления дает возможность участвовать в нем большему числу лингвистических фактов, а в свой черед и языков. Таким путем можно перейти от прусско-литовских соответствий к прусско-литовско-славянским параллелям. При этом, исходя из принципа территориальной смежности, „славянский“ в приведенном выше определении следует конкретизировать как „белорусский“.

2.1. Прус. *epwar/risnan* (вин.) „Sieg“ (Senpr. 170).

В составе прусского существительного выступает корень *war-*. Ср. лат. *varēt* „мочь, быть в состоянии“, тогда как в литовском языке соответствующее значение передается глаголом *galėti*.

Параллелью к прус. *epwarisnan* является существительное *apgalė* „победа“, отмеченное в творчестве жемайтской писательницы Шатрийос Раганы (Марии Печкаускайте): *jo pusėje apgalė* (LKŽ I 192). Данный пример можно локализовать в районе горы Шатрии (3). Однако в литовском литературном языке употребляется лексема с другим префиксом — *pérgalė*, т.е. можно говорить о некотором противопоставлении префиксов *ap-* и *per-* в обозначениях „победы“ в литовском языке. Это тем более представляет собой интерес, что данная префиксальная оппозиция существует в широком географическом контексте: если на западе прусский язык поддерживает *ap-*, то на юге белорусский и украинский языки продолжают ареал формы с приставкой *per-* (ср. белор. *перамога* и укр. *перемога* „победа“).

Южный вариант названий с *per-/пере-*, по-видимому, следует связывать с некоторыми общими языковыми переживаниями территорий, входивших в состав Великого Княжества Литовского. Во всяком случае старейшие примеры употребления глагола *перемагати* в белорусских памятниках связаны с территорией Литвы (Евангелие Каллиста, Евье/Виевис, 1616; Духовные беседы Макария, Вильно/Вильнюс, 1627)¹¹.

Однако восточнославянская форма с *об-* отмечена значительно раньше. В „Четье-Минее“ 1489 г. встречается высказывание: *ѡблѡми/л/ѣся с ними ле/д/ и ѡбмагати на(ча)лѣ Ярослав*“ (Рукопись Центральной научной библиотеки АН УССР, Киев, ДА, 247 б)¹². К сожалению, данный памятник, как и многие другие, трудно привязать к определенной местности, хотя хронологически глагол *ѡбмагати* вполне сопоставим с прус. *epwarisnan* (точнее, наоборот, поскольку славянская фиксация старше).

Зато современные говоры белорусского языка дают целый ряд свидетельств употребления глагола *абмагаць* в значении „победить, осилить“,

¹¹ См. Картотеку исторического словаря белорусского языка (Минск, Институт языкознания им. Якуба Коласа АН БССР).

¹² Там же.

например: *Твой дужайшы, абмагáя майго* (с. Деречин, Зельвенского р-на, Гродненской обл.)¹³. Собранные нами анкетные материалы и экспедиционные наблюдения 1971 г. говорят о том, что слово *абмагаць* в указанном значении широко известно на Гродненщине — по крайней мере во всех районах, расположенных к югу от Немана, достигая на юго-востоке линии Ганцевичи, Брестской обл. — Несвиж, Минской обл. Таким образом, префиксальный глагол *абмагáць*, распространенный в крайнем северо-западном углу Белоруссии, можно считать лингвогеографически ориентированным в сторону бывшего ареала прусского языка с его аналогичным по структуре термином *erwarisnan*.

Эту разорванную во времени лингвогеографическую параллель необходимо дополнить литовским глаголом *apgalėti* „то же“, примеры употребления которого зафиксированы: а) на юге Литвы, по соседству с гродненским ареалом термина *абмагáць*: Лишкава (16), р-н Вейсейя, Алове (15), р-н Даугай, Крокялаукис (14), р-н Симнас; б) в Жемайтии, где помимо уже упомянутой именной формы *apgalė* (см. выше), примеры употребления рассматриваемого глагола записаны в Дарбенай (1), р-н Кретинга, Шатес (2), р-н Скуодас, в Паланге (5) и Кретинге (6), а также в Гаргждай (8), р-н Клайпеда (LKŽ III 62).

Кроме этих двух территорий, глагол *apgalėti* зафиксирован в Йонишкелис (4), р-н Пасвалис, а также на крайнем востоке Литвы (Дусетос, Даугелишкис и Швенчёнис) (там же), что осталось вне карты.

2.2. Прус. *paccharis* „Riemen“ (Senpr. 218).

Относительно этого слова Я. Эндзелин замечает, что оно находится „среди слов, которые связаны с сапожником“ и „формально как будто соответствует лат. *pakars* „крюк, на который что-либо вешают; подвески“, лит. *kárti* „вешать“, лат. *kārt* „то же“ (там же).

2.2.1. Реестр сапожнической терминологии в Эльбингском словаре, в котором приведено *paccharis*, еще требует специального прочтения. После наименования, если пользоваться современными терминами, „производственника“ — сапожника (496), „сырья“ — кожи двух видов (497—498) и „готовой продукции“ — сапог и башмаков (499—500) в перечне следуют два термина: *Hosenleder — kymis* (501) и уже знакомый нам *Riemen — paccharis* (502), вслед за чем следует описание „сверху вниз“ частей сапога: голенище (503), головка (504), подошва (505) и т.д.¹⁴

¹³ П. Сцяцко, Дыялектны слоўнік (з гаворак Зэльвеншчыны), Мінск, 1970, 10.

¹⁴ Prūsų kalbos paminklai, Vilnius, 1966, 69.

Буквально *Hosenleder* означает „брючная кожа“ и, если бы речь в самом деле шла о брюках, то *Riemen* следовало бы понимать как пояс. Однако, поскольку о „брюках“ и „поясе“ сказано уже раньше в лексиконе портного (481 и 485)¹⁵, то остается думать, что *Riemen* названо в качестве первой, самой верхней части сапога. Действительно, обращение от истории „слов“ к истории „вещей“ подтверждает это предположение. Ср. польск. „sztylpy“, которые в Польше называются то голенищами (*cholewami*), то высокими сапогами (*wysokimi butami*), а чаще всего собственно *sztylpami*, пришли к нам из Германии. На Западе, как и в Польше, были это в точном значении этого слова именно голенища, охватывающие щиколотку и икру ноги, которые застегивались при помощи *ремней* (подчеркнуто нами — А.Н.) и пряжек и накладывались на башмаки“¹⁶.

2.2.2. Ближайшей славянской лингвогеографической параллелью этому префиксальному образованию является белор. *навесьма* (*навесьмо*) „жменя сцртаго льну“ (Каролино, Зельвенского р-на, Гродненской обл.)¹⁷. Этот термин, известный во многих славянских языках, по праву считается общеславянским, однако указание именно на белорусский язык (и тем более на ближайшую к бывшему прусскому ареалу Гродненщину) имеет свой особый смысл: в польском языке — языке ближайших славянских соседей древних пруссов, как показывают сводки соответствующих лексических материалов, существительное **powieśmo* не отмечено.

Литовский язык дополняет эту прусско-белорусскую (славянскую) параллель таким префиксальным образованием как *pakártuvė* „веревочка, которой привязывается сам кнут к кнотовищу“ (DLKŽ 531).

Прусское префиксальное образование в определенной мере поддерживает предложенную еще Фр. Миклошичем этимологию слав. **pověsmo*: от **pověsiti* „весить“. Известно, что В. Махек выступил с ревизией этого мнения, предложив в качестве исходного этимона глагол „вязать“¹⁸. В пользу критики этой ревизии О. Н. Трубачевым¹⁹ и упрочения этимологии Фр. Миклошича, помимо других славянских фактов²⁰, свидетельствует и прус. *paccaris*.

Само собой разумеется, что в семантике прусского „ремня“ (*paccaris*) нет ничего от кожи, как в белор. *навесьме* — от волокна. И в том, и в другом

¹⁵ Там же.

¹⁶ E. i A. Vanach, *Słownik mody*, Warszawa, 1962, 263.

¹⁷ П. Сцяцко, Указ. соч., 109.

¹⁸ V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha, 1957, 387—388

¹⁹ О. Н. Трубачев, *Ремесленная терминология в славянских языках*, Москва, 1966, 102.

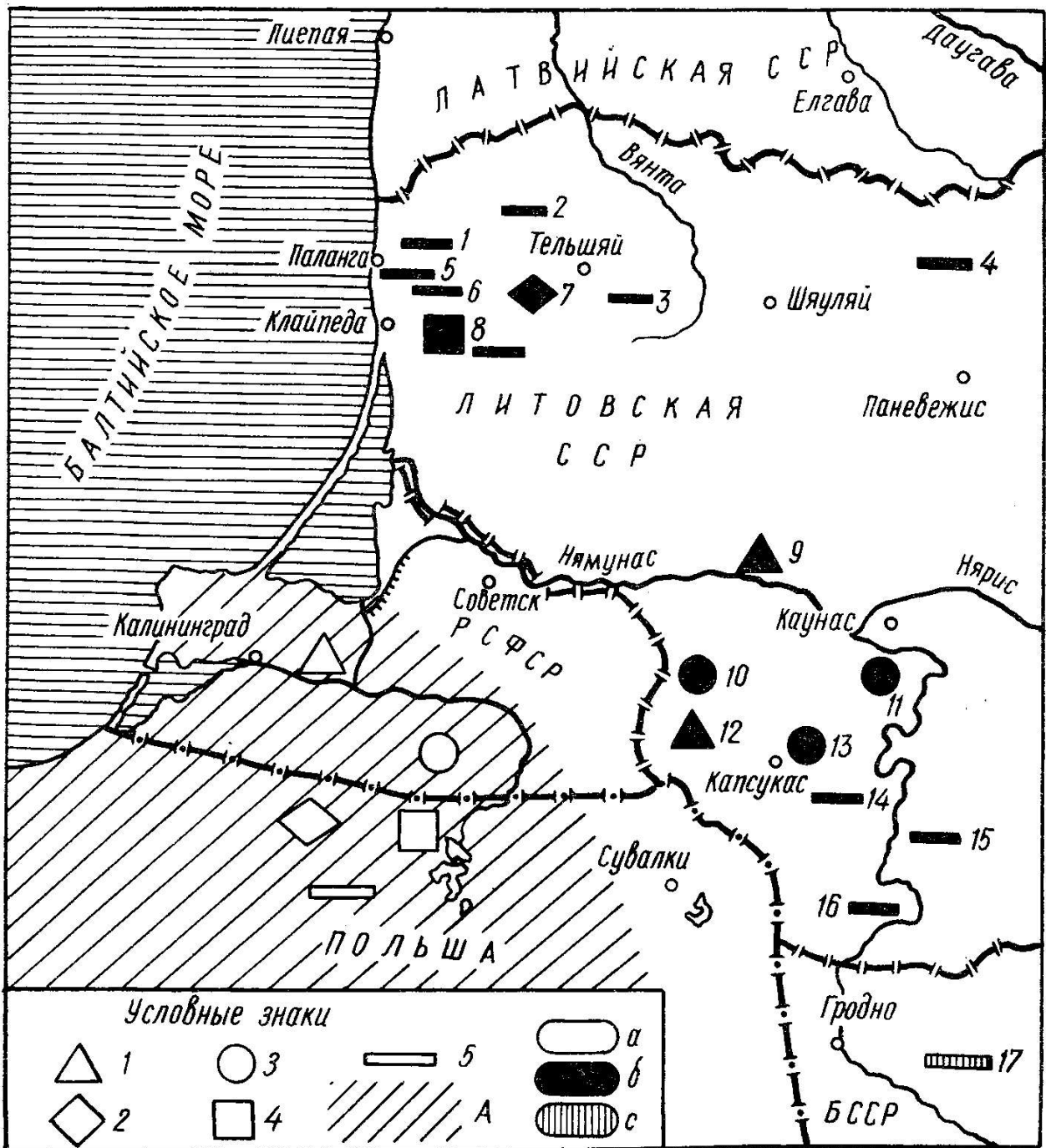
²⁰ Ср. белор. *вешала* „нізка скрутков лыка“ (см. „Інструкцыя па збіранню матэрыялаў для складання лексічнага атласа беларускай мовы, Мінск, 1971, 62).

случае это отглагольные имена, которые приобрели свое специализированное значение в двух различных сферах балтийской и славянской ремесленной терминологии. Можно только предполагать весьма значительную древность рассмотренной параллели.

3. География литовских соответствий прусским префиксальным образованиям — территория жемайтских и западноаукштайтских говоров — является вполне закономерной. Уже отмечалось, что именно в этом диалектном массиве наблюдаются фонетические черты, которые сближают его с прусским (или ятвяжским) языком и, которые, напротив, отсутствуют в говорах литовского языка, более удаленных от прусской территории²¹. Теперь можно сказать, что такая же общность существует и относительно ряда префиксальных образований, с одной стороны, прусского и западных говоров литовского языка — с другой. Таким образом, прусский язык оказывается связанным с литовским еще несколькими, пусть даже и достаточно скромными лингвистическими явлениями.

Несмотря на условность совмещения на одной карте фактов, засвидетельствованных в XVI и XX вв., все же не следует отказываться от попыток построить, так сказать, „внешнюю географию“ прусского языка. Если, как говорится, „по живому“ вырвать лоскут ткани, то про края этого зияния останутся концы тех нитей, сплетение которых составляло утраченную часть. По-видимому, именно так можно сказать о прусском языке в изоглосной ткани балтийского языкового мира, в которой обрывки нитей — в западнолитовской диалектной зоне. Северная часть этой территории — Жемайтия — в прусском аспекте ставит интересную проблему лингвистических взаимосвязей приморских говоров балтийских языков, тогда как южная — Занеманье — уводит вглубь континента, в ареал северных славян, а вместе с этим и в область древних и новых отношений балтийских и славянских языков.

²¹ В. Гринавецкис, Новое в литовской диалектологии, — *ABSI II* (1965) 194—196.

Литовские и белорусские соответствия (параллели) прусским префиксальным образованиям.

Условные знаки: 1 – ерkieckan / аркеикти; 2 – еtwiērpt / атверпти; 3 – preigērbt / pri(si)gerbtī; 4 – sengidaut / sugeidauti; 5 – ервар(г)isnan / аргалē(ti) | абмагаць.

А – часть бывшего прусского ареала.

Формы языков:

а – прусского, b – литовского, с – белорусского